

АННА
КНЯЗЕВА

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

РАЗВОД

*Всё тайное
становится явным*

Екатерина Мордвинцева Развод. Все тайное становится явным

<https://litres.ru/74211518>

Аннотация

Виктория всегда думала, что развод — это конец. Она вернулась из рейса раньше времени. Он — не один. Соседняя дверь стала единственным убежищем. Но кто спасёт её от самой себя? Артём показал, что развод – это начало. Просто ей понадобилось вбежать в его дверь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	45
Глава 3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Пролог

Я всегда знала, что небо умеет врать.

Когда летишь через океан в третьем часу ночи по местному времени, а пассажиры наконец уснули, и салон погружается в ту самую тишину, которая бывает только на высоте десять тысяч метров, — вот тогда ложь становится особенно красивой. Иллюминаторы черны, как закрытые глаза. Редкие огоньки где-то внизу кажутся звёздами, только падающими неправильно — не вверх, а вниз. И ты веришь, что дома всё хорошо. Ты веришь, потому что иначе не взлететь. Иначе не наливать кофе в три пятнадцать утра улыбчивым бизнесменам, которые летят в командировку, и старушке с пледом, которая летит к внукам, и молодой паре, которая летит в медовый месяц, и они такие счастливые, что у тебя начинает ныть под ложечкой от их счастья — чужого, яркого, как аварийный свет.

Ты думаешь: «У меня тоже есть. У меня есть Дима. Я вернусь, и он будет ждать. Он всегда ждёт. Даже если я прилечу в шесть утра, он встанет, нальёт чай, спросит, как прошёл полёт. Он же хороший. Он же любит».

Вот тут-то небо и врёт.

Потому что нет. Не любит. Не ждёт. И чай никто не нальёт.

Но в тот момент, когда лайнер «Боинг-787» авиакомпания

нии «Россия» касается колёсами взлётно-посадочной полосы Шереметьево, я ещё ничего не знаю. Стою в хвосте салона, пристёгнутая ремнём в своём откидном кресле борпроводника, и смотрю, как за иллюминатором мокрый серый рассвет размазывает огни аэропорта. Москва встречает меня дождём. Москва всегда встречает меня дождём, когда я возвращаюсь из-за океана. Это уже традиция. Плохая примета. Я не верю в приметы.

— Ну что, Вик, — говорит моя напарница Ленка, поправляя шарф на шее, — домой? Меня муж обещал встретить. А твой?

— Дима на работе, — отвечаю я машинально. — Я на такси.

Ленка смотрит на меня с той особенной жалостью, которую умеют прятать только женщины, которые сами боятся оказаться на моём месте. Она замужем уже девять лет, двое детей, и она свято верит, что если пережила девять лет, то переживёт и десять, и двадцать. Никто не верит, что муж может уйти. Никто не верит, пока не видит своими глазами.

— Ты хоть выпись, — говорит Ленка и хлопает меня по плечу. — Ты сегодня сама не своя. Устала?

— Просто рейс длинный, — пожимаю плечами. — Ничего.

Ничего. Моё любимое слово за последние полгода. Ничего, что Дима стал поздно возвращаться. Ничего, что у него новый телефон, и он его прячет экраном вниз. Ничего, что

секс — если он бывает раз в две недели — стал быстрым и каким-то... формальным. Как отчёт. Как инструкция по технике безопасности, которая заучена до дыр и не вызывает никаких эмоций.

Я просто устала. Мы оба устали. Это пройдёт.

С этими мыслями я прохожу паспортный контроль, забираю свой чемодан-кейс, который кажется легче обычного (или это я сильнее?), выхожу в зону прилёта и нажимаю кнопку вызова такси в приложении. Машина приедет через семь минут. Я стою под козырьком, смотрю, как мимо проезжают чьи-то мужья, отцы, любовники, братья — те, кто встречают. Они держат цветы. Кто-то держит табличку с именем. Кто-то просто стоит, задрав голову к табло прилёта, и ждёт.

А меня никто не ждёт.

Это не обидно. Это рабочий момент. Дима работает, я работаю, у нас взрослые отношения. Мы не обязаны виснуть друг на друге каждую свободную минуту. У нас ипотека, у нас кредит на машину, у нас планы на лето — поехать в Италию, которую я так и не увидела, кроме как с высоты десять тысяч метров и из окна автобуса, который везёт экипаж в отель.

Я сажусь в такси. Водитель — молчаливый мужчина лет сорока — только уточняет адрес и больше не произносит ни слова. Спасибо ему за это. Я не хочу разговаривать. Голосовые связки устали от улыбок, от вежливых «приятного полё-

та», от невежливых пассажиров, которые не понимают, почему нельзя курить в туалете. Я хочу домой. Я хочу в душ. Я хочу в нашу кровать, которая пахнет Димой и мной, и эфирным маслом лаванды, которое я всегда капаю на подушку перед вылетом, чтобы, вернувшись, почувствовать: здесь моё место.

Такси останавливается у нужного подъезда ровно в семь утра.

Семь утра. Дом должен быть пуст. Дима уходит на работу в половине девятого. У меня есть полтора часа, чтобы принять душ, переодеться и, может быть, даже заснуть до его ухода. Или не засыпать, а просто лежать рядом, слушать, как он бреется, как гремит посудой на кухне, как тихо поёт что-то под нос — у него нет слуха, но он любит напевать, думая, что никто не слышит.

Я поднимаюсь на лифте на седьмой этаж. В нашем доме всего девять этажей, мы живём на седьмом. Две квартиры на площадке. Соседи слева — пенсионеры, которые вечно суют нос в чужие дела. Соседи справа — я и Дима. И ещё одна квартира этажом выше, на восьмом. Там живёт какой-то мужчина. Я видела его пару раз в лифте — высокий, молчаливый, всегда в наушниках и смотрит в пол, как будто боится случайно задеть кого-то взглядом. Я даже не знаю, как его зовут. И мне всё равно.

Я достаю ключи. Вставляю в замочную скважину. Поворачиваю.

И вот тут — тишина.

Нет, сначала тишина. Такая, какая бывает в чужой квартире, когда ты ошибаешься дверью. Но я не ошиблась. Это моя дверь. Это мой замок. Это мои ключи. В прихожей горит свет — неяркая лампа, которую мы никогда не выключаем на ночь, чтобы не спотыкаться. Мои балетки аккуратно стоят на полке. Его кроссовки валяются внизу — всегда так, я вечно ругаю его за это.

Всё как обычно. Всё правильно.

Кроме одного.

Из спальни доносятся звуки.

Я замираю с чемоданом в одной руке и ключами в другой. И я знаю, что это такое, ещё до того, как мой мозг успевает обработать информацию. Потому что тело всегда знает раньше. Живот сжимается в холодный узел. Пальцы немеют. В горле появляется комок, который невозможно проглотить, как будто там застряла кость.

Секс. Они занимаются сексом. Там, в моей спальне. На моей кровати. С кем-то, кто не я.

Там — Дима. И кто-то ещё.

Звуки негромкие — может быть, они думали, что никого нет, может быть, специально приглушали, но в тишине моей квартиры, в семь утра, когда за окном только начинает светать, слышно каждое движение. Каждый вздох. Каждый стон.

Я не двигаюсь. Я стою в прихожей, как статуя, и смотрю в

коридор, в конце которого виднеется дверь в спальню. Она приоткрыта. Почти закрыта, но есть щель — сантиметров пять, не больше. И в этой щели мелькает что-то живое, тёплое, бежевое — может быть, рука, может быть, плечо.

Мне нужно уйти. Мне нужно развернуться, выйти в подъезд, спуститься на лифте, уехать куда-нибудь — к Ленке, в гостиницу, в аэропорт, да хоть на вокзал. Но ноги не слушаются. Тело живёт своей жизнью. Оно делает шаг вперёд. Потом ещё один. И ещё.

Я иду в спальню. Я не слышу своих шагов. Я не слышу ничего, кроме чужого женского смеха. Смеха. Она смеётся. В моей кровати. С моим мужем. Она смеётся, как будто это смешно. Как будто это не больно — это весело.

Дверь открывается от моего прикосновения — я даже не заметила, как толкнула её.

И вот оно.

Картина, которую я буду вспоминать каждую ночь до конца жизни, даже когда отработаю свой последний рейс и сдам форму в кадры.

Дима. Мой Дима. Тот, кто обещал любить вечно. Тот, с кем мы выбирали обои для этой спальни, спорили о цвете штор, покупали это брачное ложе в «Икее» и потом не могли собрать два часа, ругались и смеялись. Он. Лежит на спине, растрёпанный, потный, с закрытыми глазами. И на нём — она.

Я её узнаю. Это Катя. Катерина. Из его офиса. Та самая

«помощница руководителя», которую он представлял мне на корпоративе полгода назад. Такая... обычная. Русые волосы, серые глаза, веснушки на носу. Ничего особенного. Я запомнила её, потому что она слишком долго смотрела на Диму. Тогда я подумала: «Глупая, он же женат, отстань». А теперь она сидит на нём, и её волосы растрепаны, и у неё красивая грудь — я замечаю это с каким-то клиническим спокойствием. Молодая. Ей лет двадцать пять. Она моложе меня. Конечно.

Они не видят меня сначала. Дима стонет, Катя запрокидывает голову, и я вижу её лицо — счастливое, беззаботное, расслабленное. Она действительно счастлива. Ей хорошо. Ей хорошо с моим мужем в моей постели.

— Дима, — говорю я. Голос не дрожит. Голос чужой — низкий, спокойный, как у диспетчера при объявлении аварийной посадки. — Дима.

Он открывает глаза.

И вот здесь — самое страшное. Не то, что он изменяет. Не то, что он трахает другую в нашей кровати. А то, что в его глазах сначала нет НИЧЕГО. Пустота. Абсолютная. Как будто он смотрит на незнакомку, которая ошиблась дверью.

А потом — ужас. Не стыд, нет. Стыд приходит позже, наверное, когда я уже уйду. А сейчас — ужас. Страх. Его зрачки расширяются, он дёргается, сбрасывает с себя Катю, та вскрикивает, падает на подушку, прикрывается простынёй, и я слышу, как она говорит:

— Боже, боже, боже...

Она не смотрит на меня. Она смотрит на Диму. Как будто это он — главная пострадавшая сторона.

— Вика, — выдыхает он. — Вика, ты... ты не должна была...

— Вернуться в свой собственный дом? — перебиваю я. Всё так же спокойно. Всё так же ровно. — Да, наверное, не должна была. Но знаешь, мне показалось, что я здесь живу. Ошиблась.

Катя пытается натянуть на себя простыню, но та маленькая, и у неё то грудь, то бедро вылезают. В другое время мне было бы смешно. Сейчас — ничего. Вообще ничего. Как будто внутри выключили все чувства разом. Даже боль. Даже ревность. Только холод. Тот самый холод, который бывает на высоте, когда отказывает отопление в салоне, и ты накрываешь пассажиров пледами, а сама мёрзнешь, но не чувствуешь этого, потому что работа стоит выше.

— Вика, давай поговорим, — Дима натягивает джинсы. Они у него под кроватью. Заранее приготовил. Предусмотрительный. — Это не то, что ты думаешь.

Я смотрю на него. На его голые ноги, на спешку, с которой он застёгивает ширинку, на красные пятна на шее — засосы, которые он никогда не позволял мне оставлять, потому что «мужику это не идёт». И я понимаю, что смотрю на чужого человека. Я прожила с ним семь лет — три года в гражданском браке, четыре в официальном, и семь лет — это мно-

го. Это больше, чем вся моя взрослая жизнь. Я знаю, как он пьёт кофе по утрам (чёрный, без сахара, с печеньем «Юбилейное»). Я знаю, что он боится пауков. Я знаю, что у него шрам на коленке — в детстве упал с велосипеда. Я знаю всё. Кроме одного — что он способен на это. Что он способен врать мне в лицо каждый день, каждый вечер, каждое «спокойной ночи», каждое «люблю, малыш».

— Не то, что я думаю, — повторяю я. — Дима, ты голый. Она голая. Ты был внутри неё минуту назад. Что тут можно думать иначе?

Катя всхлипывает. Она плачет. Ей, видите ли, стыдно. Или страшно. Или и то, и другое. Я не разбираюсь. Я не психолог. Я стюардесса. Моя работа — улыбаться и не паниковать в любой ситуации. Даже когда ситуация — муж трахает другую.

— Это была ошибка, — говорит Дима. Он уже в джинсах, но не застегнул ширинку до конца, и это такая... такая бытовая деталь, что мне хочется засмеяться. Ошибка. Конечно. Ошибка. Просто лёг на неё, просто очутился внутри — случайно, наверное, поскользнулся. — Вика, я люблю тебя. Только тебя. Она ничего не значит.

— Ничего, — эхом отзывается Катя. И в её голосе столько горечи, что я почти верю, что она тоже жертва. Но нет. Она взрослая. Она знала, что он женат. Она всё равно легла в его постель.

— Я хочу, чтобы вы оба оделись и ушли, — говорю я. —

Вы оба. Из моей квартиры.

— Вика, это моя квартира тоже, — возражает Дима. И вот здесь появляется первая эмоция. Не боль. Не обида. Злость. Горячая, как турбина самолёта, как кофе, который я однажды пролила себе на руку, и у меня остался шрам.

— Нет, — говорю я. — Сейчас — моя. Потому что я не трахаю здесь коллег. Я здесь живу. А ты — ты можешь идти к ней. Или в гостиницу. Или куда угодно. Но отсюда ты уйдёшь. Сейчас.

Дима смотрит на меня несколько секунд. Его лицо меняется — страх уходит, на смену приходит что-то другое. Что-то, чего я раньше никогда не видела. Или видела, но не хотела замечать. Жестокость. Он может быть жестоким. Оказывается, может.

— Ты не выгонишь меня из собственного дома, — говорит он тихо. — Ты никто без меня, Вика. Ты стюардесса. Летящая официантка. Ты забыла? Кто купил эту квартиру? Я. Кто платит ипотеку? Я. Ты тут просто так. Живёшь за мой счёт.

Вот оно. Сказал. То, что он думал всё это время. То, что я чувствовала, но боялась произнести вслух. Потому что он прав. Квартира куплена до брака, на его деньги, оформлена на него. Я только прописана. Я ничего не значила в этой квартире. В этой жизни. В этой любви.

— Хорошо, — говорю я. — Я уйду. Но не потому, что ты меня выгоняешь. А потому, что я больше не хочу здесь

находиться. С тобой. С этой... — я киваю на Катю, которая уже натянула его рубашку и выглядит так, будто собралась на пикник, — с этой женщиной.

Я разворачиваюсь и иду в прихожую. Слышу за спиной его шаги — босиком по паркету. Он догоняет меня у двери. Хватает за руку — больно, пальцами впивается в запястье.

— Вика, не уходи. Давай поговорим как взрослые. Ну, что ты делаешь? Ты же не можешь просто взять и уйти. Это глупо.

Я смотрю на его руку. На его пальцы, которыми он когда-то держал мои. На его обручальное кольцо. Он не снял его даже во время секса с другой. Это почему-то ранит больнее всего. Кольцо осталось. А любовь — нет.

— Отпусти, — говорю я спокойно. — Отпусти, Дима. Или я закричу. Или ударю. Или сделаю что-то, о чём мы все потом пожалеем.

Он отпускает. Но не отходит. Пятится назад, в коридор, и при этом говорит, говорит, говорит — слова летят, как пули, он пытается оправдаться, объяснить, свалить вину на кого-то или что-то. На работу, на усталость, на меня («ты слишком много работаешь», «ты всегда в рейсах», «ты изменилась», «ты перестала следить за собой» — это всё ложь, я слежу, я всегда слежу, потому что форма требует, потому что я — лицо авиакомпании, у меня нет права выглядеть плохо). Я не слушаю. Я накидываю пальто поверх своей лётной формы — в прихожей висит мой лёгкий плащ, хотя на улице апрель

и холодно. Я его не чувствую.

Туфли. Я снимала их в коридоре по правилам, чтобы не тащить уличную грязь в дом. Теперь я одной рукой хватаю одну туфлю, вторую — роняю. Она падает, откатывается куда-то под вешалку. Мне всё равно. Я одной рукой открываю дверь — второй всё ещё сжимаю чемодан и одну туфлю.

— Вика, стой! — кричит Дима.

Я выхожу на лестничную клетку. За мной — он. Босиком, в незастёгнутых джинсах, с этим его испуганным лицом. Как будто я не жертва, а преступник. Как будто это я предала, а он — бедный, несчастный, случайно оказавшийся в постели с другой женщиной.

— Вернись! — орёт он. В подъезде эхо. Его голос гремит, отражается от стен, будит соседей. — Вика, ты не выйдешь отсюда! Ты меня слышишь? Я не дам тебе уйти!

Я не оборачиваюсь. Я босиком, одной ногой — туфли нет, чёрт бы её побрал. Я иду к лифту. Но лифт далеко. Лифт в конце коридора. А Дима уже рядом — я слышу его дыхание за спиной.

И тогда я делаю то, чего он не ожидает. Я не иду к лифту. Я бегу вверх по лестнице. На восьмой этаж. Потому что снизу — он, а сверху — дверь. Чья-то дверь. Может быть, она откроется. Может быть, там кто-то есть. Может быть, там спасение.

Я бегу босиком по бетонным ступенькам, и холод пробирает до костей, и одна нога в туфле, другая — голая, и это

так нелепо, так глупо, так по-дурацки, что я почти смеюсь. Я почти смеюсь от всего этого ужаса.

— Стой! — орёт Дима снизу.

Я не стою.

Восьмой этаж. Две двери. Одна — моя бывшая соседка сверху, но она съехала полгода назад, и там теперь никто не живёт. А вторая — та самая. Та, где живёт высокий молчаливый мужчина, который всегда в наушниках.

Я дёргаю ручку его двери.

Закрывается.

Конечно. Конечно, закрыто. Шесть утра — кто в такую рань открывает двери незнакомым женщинам, которые колотят в них кулаком с чемоданом в руке?

— Вика!

Он уже на лестничной клетке этажом ниже. Он поднимается. Он найдёт меня. Он схватит. Утащит обратно. Сделает что-то — я не знаю что, но я боюсь. Боюсь его. Впервые за семь лет я боюсь своего мужа.

И в этот момент — дверь открывается.

Я не понимаю как. Я не понимаю почему. Просто щёлкает замок, и дверь открывается внутрь, и на пороге стоит он. Высокий. Хмурый. В домашней футболке — серой, старой, с закатанными рукавами. В спортивных штанах. Босиком. И в руках — мусорный пакет. Чёрный, завязанный узлом. Он просто идёт выносить мусор. В шесть утра. В воскресенье. Он идёт выносить мусор, и это — самая красивая вещь, ко-

торую я когда-либо видела.

Он смотрит на меня. На мою форму, на мои растрёпанные волосы, на мои разные ноги — одна в туфле, другая босая. На чемодан в руке. На моё лицо — я знаю, что оно белое, как мел, что губы дрожат, что глаза полны слёз, которые я ещё не позволила себе пролить.

Он ничего не спрашивает.

Он делает шаг назад и кивает. Кивает в сторону своей квартиры. Молча.

И я — я даже не раздумываю. Я прошмыгиваю внутрь, прижимаюсь спиной к стене в его прихожей, и слышу, как он выходит на лестничную клетку и закрывает за собой дверь. Медленно. Спокойно. Щелчок замка — как приговор. Как тишина после бури.

Я слышу голос Димы:

— Ты! Ты кто такой? Открой дверь! Это моя жена! Она там!

А потом — голос Артёма (я узнаю его позже, я узнаю его имя через несколько дней, а сейчас — это просто Голос). Низкий, спокойный, безразличный:

— Уходите. Или я вызову полицию.

— Ты не имеешь права! — орёт Дима. — Это моя жена!

— Ваша жена, — так же спокойно отвечает Голос, — только что вбежала в мою квартиру с чемоданом и без одной туфли. Вы гнались за ней босиком по лестнице. Вы хотите, чтобы я вызвал полицию? Хорошо. Я сейчас наберу.

Тишина.

Я зажмуриваюсь. Всё моё тело дрожит — мелко, противно, как в лихорадке. Чемодан стоит на полу рядом со мной. Туфля — я всё ещё сжимаю её в руке. Зачем? Зачем я её держу?

Дверь снова открывается. Артём заходит внутрь. Он оставляет мусорный пакет за дверь — так и не выбросил. Наверное, завтра. Или никогда. Или это не важно.

Он смотрит на меня. Я — на него.

Мы — двое незнакомцев в его прихожей. Он — спаситель, который не просил быть героем. Я — беглянка, которая не просила спастись.

— Проходите, — говорит он. — И закройте дверь изнутри. Пожалуйста. Там холодно.

Я закрываю дверь. На защёлку. На цепочку. Я цепляю цепочку — дрожащими пальцами, потому что я боюсь, что Дима вернётся. Или я боюсь чего-то другого? Я не знаю.

Артём стоит и ждёт. Он не задаёт вопросов. Не спрашивает, кто я, что случилось, почему я здесь. Просто ждёт.

— Я... — начинаю я, и голос ломается. Первый раз за всё утро. Первый раз, когда я разрешаю себе не быть сильной. — Я не знаю...

— Не надо ничего объяснять, — перебивает он. — Вы в безопасности. Это главное.

Я смотрю на него. На его хмурое лицо. На тёмные круги под глазами — он не спал всю ночь, наверное, или спит пло-

хо. На его руки — они большие, сильные, но он держит их в карманах штанов, чтобы не мешать, чтобы не напугать.

— Спасибо, — выдыхаю я. И слёзы наконец приходят. Не тихо. Не красиво. Всхлипы, сопли, дрожащие губы — всё, что я сдерживала семь лет, всё, что я прятала за улыбкой бортпроводника, всё, что я замораживала на высоте десять тысяч метров, — всё это вырывается наружу в прихожей чужого мужчины, который просто шёл выносить мусор.

Он не обнимает меня. Не говорит «всё будет хорошо». Не прикасается. Он просто стоит рядом и смотрит в сторону, как будто даёт мне пространство, как будто говорит: «Я здесь, но я тебя не трогаю. Плачь, сколько надо. Я не смотрю».

Я плачу.

Потом — я не знаю, сколько прошло времени. Минута? Пять? Час? — он говорит:

— Чай? Или воду?

Я киваю. Мне всё равно. Просто чтобы он что-то делал, просто чтобы тишина перестала быть такой оглушающей.

Он идёт на кухню. Я остаюсь в прихожей, потому что не могу двинуться с места. Стена держит меня. Без неё я упаду.

— Идите сюда, — зовёт он из кухни. — Там диван. Сядьте.

Я иду. Босиком по его полу. Чужой пол. Чужой дом. Чужой мужчина кладёт передо мной кружку с чаем — зелёный, я чувствую запах. Я ненавижу зелёный чай. Но сейчас я вы-

пью его. Выпью всё, что угодно, лишь бы не возвращаться.

— Я Артём, — говорит он, садясь на стул напротив. Диван маленький, кухня маленькая, он большой, и ему, наверное, неудобно. Но он сидит тихо, как мышь. — Вы, наверное, из седьмого.

Я киваю.

— Вика, — выдавливаю я. — Виктория. С седьмого. Я... этот мужчина... это мой муж. Дмитрий. Он...

— Не надо, — останавливает он. Пьёт свой чай. Чёрный, без сахара. Я замечаю это. Зачем-то замечаю. — Расскажите, когда будете готовы. Или не расскажете. Это ваше дело.

Я смотрю на свои руки. Они всё ещё дрожат. Чай в кружке дрожит вместе с ними — маленькие круги на поверхности, как сигнал SOS.

— Я не знаю, куда мне идти, — говорю я тихо. — Я не могу вернуться. И у меня нет... я не знаю...

— Вы можете остаться здесь, — говорит он. И я смотрю на него — на его спокойное, невозмутимое лицо, на его глаза — тёмно-карие, почти чёрные. В них нет жалости. Нет любопытства. Нет ничего, кроме спокойствия. — На сегодня. Просто пересидите.

— Я не могу, — качаю головой. — Я не могу... я не хочу обременять. Я...

— Вы не обременяете, — перебивает он. — Я всё равно не сплю по ночам. А днём сплю. Вы не мешаете. Просто останьтесь. Хотя бы до утра.

Я смотрю в свою кружку. Зелёный чай остывает. Я не сделала ни глотка.

— У вас есть родители? — спрашивает он осторожно. — Друзья?

— Родители далеко. В Краснодаре. Друзья... у Ленки двое детей и муж, я не могу к ней ворваться с чемоданом в шесть утра.

— Тогда оставайтесь, — повторяет он. И встаёт. Идёт в комнату — единственную, наверное. Я слышу, как он открывает шкаф, что-то достаёт. Возвращается с пледом — синим, клетчатым, пахнущим чем-то мужским и чистым, как постельное бельё в отеле. — Вот. Диван раскладывается. Я сейчас. И подушка есть.

— Артём, — говорю я, и он замирает. — Спасибо. Я не знаю, как... я не знаю, почему вы это сделали. Просто открыли дверь.

Он пожимает плечами. Одно движение — широкие плечи поднимаются и опускаются.

— Я шёл выносить мусор. А вы... вам нужна была дверь. Я просто открыл.

— Вы даже не знаете меня.

— Это не важно, — говорит он. — Самое страшное в этой жизни — остаться за закрытой дверью, когда за тобой гонится тот, кому ты верил. Я это знаю. Поэтому — просто спите. Я на кухне посижу.

Он уходит на кухню. Я остаюсь в полутьме — на диване,

с пледом, с подушкой, которую он принёс. С чемоданом, который стоит у двери в комнату. С одной туфлей, которую я так и не выпустила из рук.

И я слушаю, как за стеной тихо — он не включает свет, не ходит, не гремит посудой. Он просто сидит в темноте и ждёт.

Ждёт, когда я засну.

Но я не сплю. Я смотрю в потолок его квартиры, который я вижу впервые в жизни, и думаю: «Моя жизнь кончилась в семь утра в воскресенье. А началась — в шесть пятнадцать, на восьмом этаже, с мусорного пакета и чужой двери».

Я не знаю, что будет дальше. Я не знаю, кто этот человек. Я не знаю, зачем он это сделал. Но сейчас — в эту минуту — я жива. Я цела. Меня не схватили, не утащили обратно, не заставили слушать оправдания.

Я просто сижу на чужом диване, пью остывший зелёный чай и плачу. И в первый раз за семь лет мои слёзы — не слабость. А свобода.

За стеной — тишина.

Артём не спит. Я знаю. Я тоже не сплю.

Но мы оба делаем вид, что спим.

Глава 1

Ночь не наступает — она обрушивается.

Я сижу на кухне Артёма, и всё моё тело дрожит так сильно, что я слышу, как зубы стучат. Не от холода. В квартире тепло — даже душновато, пахнет чем-то мужским и простым, может быть, стиральным порошком, может быть, деревом. Я не могу разобрать. Я вообще ничего не могу сейчас разобрать — ни запахов, ни звуков, ни собственных мыслей. Только дрожь. Мелкую, противную, которая идёт изнутри, из самого центра, из того места, где ещё час назад жила какая-то надежда и любовь, а теперь — пустота, и эта пустота вибрирует, как турбина перед взлётом.

Он — Артём, я запомнила его имя, хотя он представился всего один раз и так тихо, что я едва расслышала — стоит у плиты и греет чайник. Спиной ко мне. Я вижу его широкие плечи, серую футболку, которая на нём сидит так, будто он носит её годами. Может быть, так и есть. Может быть, он вообще не обращает внимания на одежду — из тех мужчин, которые покупают одно и то же, пока не износится до дыр. Дима был другим. Дима любил бренды, любил, чтобы на этикетке было написано что-то дорогое и желанное. Я думала, это мелочи. Сейчас я думаю, что все мелочи были знаками, а я просто не хотела их видеть.

— Чай? — снова спрашивает Артём, не оборачиваясь. Он

уже спрашивал. Я сказала «нет». Но он спрашивает снова, словно даёт мне право передумать.

— Нет, — слышу я свой голос. Он чужой — тонкий, ломкий, как ветка после мороза. Я ненавижу этот голос. Где моя уверенность королевы «Боинга»? Где та Виктория, которая объявляет турбулентность спокойным, ровным тоном, от которого пассажиры расслабляются в креслах? Где она?

Она осталась в той квартире. На седьмом этаже. В спальне с разобранной постелью и чужим запахом.

— Тогда воду, — говорит Артём и ставит передо мной стакан. Обычный стакан, гранёный, из тех, что были у моей бабушки. Вода комнатной температуры. Я смотрю на него и не могу взять в руки — они дрожат слишком сильно. Я расплескаю. Я расплескаю всё, что угодно, даже воду, даже воздух, даже себя.

Артём не настаивает. Он садится напротив — на табуретку, потому что на маленькой кухне только две табуретки и маленький стол, покрытый клеёнкой. Клеёнка в клетку, сине-белую, и от этого мои глаза начинают щипать — слишком знакомо, слишком по-домашнему, слишком несовместимо с тем, что произошло полчаса назад. Клеёнка. У нас с Димой была дорогая скатерть из льна, которую я привезла из Парижа, и он никогда не разрешал на неё ставить горячее, потому что «это же память». Какая к чёрту память? Всё, что было памятью, оказалось ложью.

— Попробуй, — тихо говорит Артём. Он не смотрит на

меня прямо — взгляд в сторону, на стену, где висят часы с кукушкой. Старые, советские, наверное. И они тикают. Громко так, навязчиво: тик-так, тик-так, тик-так. Я никогда не замечала, что время может быть таким громким. — Вода помогает. Просто держать в руках.

Я не знаю, почему его слова действуют. Может быть, потому что он не говорит «успокойся», не говорит «всё будет хорошо», не говорит тех пустых фраз, которые все твердят в таких ситуациях. Он просто даёт мне стакан и разрешает делать с ним что угодно. И я беру. Дрожащими пальцами, сдвигая стекло так, что, кажется, треснет. Но не трескается. Старый советский стакан — ему всё равно на мою боль.

Пью маленькими глотками. Вода тёплая, почти невкусная. Но она идёт. Стекает по горлу, и я чувствую, как где-то внутри, в груди, в животе, что-то оттаивает. Лёд. У меня был лёд внутри все эти годы? Я не знала.

Артём молчит. Он вообще, кажется, из тех, кто молчит больше, чем говорит. И это пугает и спасает одновременно. Потому что если бы он спросил меня сейчас: «Что случилось?», я бы не ответила. Или ответила, и тогда бы точно разлетелась на куски, и эти куски не собрать ни одному архитектору на свете. Я не знаю, кто он, этот Артём. Но он не спрашивает. Спасибо ему. Спасибо за тишину.

— Я не могу... — начинаю я и замолкаю. Не потому, что не знаю, что сказать. А потому, что боюсь. Скажу одно слово — и всё. И слёзы, которые затихли на минуту, польются сно-

ва, и я уже не смогу их остановить. Я уже плакала в прихожей. Я больше не хочу. Я хочу быть сильной. Хотя бы здесь. Хотя бы при нём.

Артём встаёт. Я вздрагиваю — резко, всем телом, и плечо ударяется о стену, потому что кухня маленькая, а я большая, тридцать лет, рост сто семьдесят два, и я занимаю слишком много места. Слишком много. Всегда занимала. Дима говорил: «Вика, ты везде как танк». Я думала, это любовь. Сейчас понимаю — нет.

— Не бойся, — говорит Артём и отходит к шкафу. Достает оттуда что-то — я вижу только край ткани, синий, клетчатый — такой же, как клеёнка, или мне кажется. — Я не кусаюсь.

Он протягивает мне плед. Тот самый, что был в комнате. Я не заметила, когда он его взял. Может быть, я вообще ничего не замечаю. Плед тяжёлый, шерстяной, колючий. Я прижимаю его к себе, и впервые за этот час мне становится чуть теплее. Не физически — душевно. Потому что кто-то дал мне плед. Кто-то чужой, почти незнакомый, дал мне плед, чтобы я не замёрзла. Дима не давал мне плед. Дима дарил бриллиантовые серьги на годовщину, которые я носила один раз — на корпоратив, где и увидела его Катю. Тоже лежала в кровати с чужим мужем.

— Ложись, — говорит Артём, и в его голосе нет приказа. Только констатация факта. Как в сводке погоды: завтра дождь. Ложись. — Завтра будем думать. Дверь никто не от-

кроет.

— Я не усну, — шепчу я.

— Не уснёшь — не надо, — пожимает он плечами. — Но ляг. Горизонтальное положение меняет перспективу.

Я смотрю на него. На его лицо — я впервые его разглядываю нормально, не в полутьме прихожей, не в панике. У него красивое лицо. Не то чтобы красивое в обычном смысле — не как у голливудских актёров, не как у пилотов, которые часто ухаживают за нами, стюардессами. Он другой. Тяжёлая челюсть, сломанная бровь (старый шрам, белый на смуглой коже), нос с горбинкой, тёмные волосы, которые вечно падают на лоб. И глаза — тёмные, почти чёрные, с такими кругами под ними, будто он не спал неделю. Может быть, и не спал. Может быть, у него тоже есть своя боль. Только он её не показывает.

Кому я нужна со своей болью? Я не имею права.

— Пойдём, — говорит он и идёт в комнату. Я плетусь за ним, потому что здесь его дом, его правила, и я — как пассажир в чужом рейсе: не я выбирала направление.

Комната маленькая — метров пятнадцать, не больше. Окно во двор, занавески из тёмной ткани — почти не пропускают свет. Мебель старая, но ухоженная: шкаф-стенка, тумбочка, кровать — большая, на ней серое постельное бельё, смятое, не заправленное. Он спал, когда я ворвалась в его жизнь. Или не спал. Неважно.

— Ты будешь здесь, — Артём показывает на раскладуш-

ку. Металлическая, складная, с тонким матрасом — такие бывают на дачах, в гостях у бабушек. Он уже поставил её в углу, положил подушку (белую, в наволочке без рисунка) и ещё одно одеяло — флисовое, мягкое, не такое колючее, как плед. — А я на кухне.

— Нет! — вырывается у меня громче, чем я планировала. — Нет, я не могу... ты не должен... это твоя квартира, твоя кровать, я не...

— Я не сплю на кровати, — перебивает он. — У меня бессонница. Я всё равно на кухне сижу или на балконе. Так что не переживай.

Я не переживаю. Я в аду. Какая разница, где он будет спать?

— Где ванная? — спрашиваю я, потому что это единственный вопрос, который не требует эмоций.

— Налево по коридору, — кивает он. — Полотенце на вешалке. Пользоваться можно всем. Мыло, шампунь — там, на полке. Я не буду заходить.

Он уходит на кухню, и я слышу, как он садится на стул — дерево скрипит под его весом. Включает, кажется, что-то на телефоне — еле слышный звук, музыка или подкаст, настолько тихо, что слова не разобрать. Просто фон. Белый шум. Чтобы мне не казалось, что я одна в пустоте.

Я захожу в ванную — она совмещённая, тесная, но чистая. Пахнет хозяйственным мылом и ещё чем-то свежим — кондиционером для белья, наверное. На полке стоят в ряд: шам-

пунь, гель для душа (такой пахнет у Димы — нет, не думать, не думать о Диме, это не его запах, это не его, не его), мыло, зубная паста и щётка в стаканчике. Одна. Несколько секунд я смотрю на этот стаканчик и понимаю: он живёт один. Совсем один. Ничьей зубной щётки рядом. Ничьих резинок для волос на полке. Ничьих кремов и баночек. Пусто.

Я споласкиваю лицо холодной водой. Смотрю на себя в зеркало. Я не узнаю себя. Тусклые глаза, размазанная тушь (когда я успела её размазать? я не помню, чтобы плакала в квартире, может быть, слёзы пришли позже, на лестнице, в прихожей), волосы выбились из пучка, и несколько прядей прилипли ко лбу. И форма — моя красивая, синяя форма бортпроводника, которую я глажу перед каждым рейсом, которую берегу от пятен, — теперь выглядит как костюм клоуна. Смешно. Жалко. Стыдно.

Я стягиваю китель. Остаюсь в белой блузке и юбке. Носки я сняла ещё в прихожей у Артёма, когда вошла — не знаю зачем, может быть, потому что в чужом доме полагается разуваться, даже если убегашь от мужа. Одна нога в туфле, другая босая — туфлю я так и держала в руке, пока не поставила её у двери. Артём ничего не сказал. Просто поднял её и поставил на полку в прихожей, рядом со своими кроссовками.

Я возвращаюсь в комнату. Раскладушка стоит под стеной, рядом с окном. Я подхожу к ней и сажусь — металлические пружины жалобно скрипят. Я ложусь, накрываюсь пледом и

флисовым одеялом, и смотрю в потолок. Там ничего нет — только белая краска и одна трещина, которая идёт от люстры к углу.

За стеной — тишина. Артём больше не включает музыку. Может быть, выключил, чтобы я уснула. Или чтобы услышать, если я позову.

Он сказал: «Дверь никто не откроет». Я ему верю. Не знаю почему. Потому что он открыл дверь мне, чужой женщине в форме стюардессы, с чемоданом и одной туфлей. Он мог бы не открывать. Мог бы сказать «идите вон». Мог бы вызвать полицию на меня — на истеричку, которая колотит в чужие двери в шесть утра. Но он не вызвал. Он открыл. И закрыл перед носом Димы.

Я закрываю глаза. В темноте перед глазами всё равно картинка: Дима, голый, на нашей кровати, Катя сверху, её волосы, её счастливое лицо. Я не хочу это видеть. Я хочу стереть. Но память — не анкета пассажира, её не удалишь одним нажатием.

Я не знаю, засыпаю или нет. Может быть, я просто проваливаюсь в какую-то чёрную яму, где нет ни мыслей, ни чувств, ни времени. А может быть, я лежу с открытыми глазами и смотрю в трещину на потолке, пока она не начинает расползаться в стороны, как карта незнакомой страны.

Утро приходит не с солнцем — с городским шумом.

Я слышу, как за окном заводится машина, как кто-то ру-

гается на парковке, как лает собака. Обычное утро воскресенья в спальном районе. Для всех — обычное. Для меня — первое утро новой жизни, в которой нет Димы.

Я лежу на раскладушке и пытаюсь понять, сколько времени. Часов в комнате нет. Мобильный — он где-то в чемодане. Чемодан стоит у двери, я помню, что занесла его вчера, но когда — не помню. Может быть, Артём сам занёс. Я не в курсе. Я вообще ничего не в курсе.

Сажусь. Голова кружится — слишком резко, слишком быстро. В комнате светло — шторы тонкие, солнце пробивается сквозь них жёлтыми полосами. Артёма нет. Кровать его пуста, постель не заправлена — он так и не ложился. Наверное, сидел на кухне всю ночь. Так и сказал: у меня бессонница.

Я встаю — босиком на холодном полу, иду на кухню. Артём сидит на том же стуле, в той же футболке, с кружкой кофе в руках. Рядом на столе — вторая кружка, чистая. Для меня. И чайник. И хлебница с батоном. И масло. И сыр в упаковке — обычный «Российский», половинка.

— Доброе утро, — говорит он и смотрит на меня. В его глазах нет ни жалости, ни любопытства. Только усталость. И ещё что-то — может быть, вопрос. Но он не задаёт.

— Не знаю, доброе ли, — отвечаю я, садясь на табуретку напротив. Те же места, что и ночью. Та же клетчатая клеёнка. Те же часы с кукушкой — сейчас они показывают девять утра. Девять. Я проспала — или не спала — три часа.

— Кофе? — спрашивает он. — Чай? Я могу согреть.

— Воду, — говорю я. Потому что кофе будет слишком бодрящим, а чай — слишком домашним. Вода — нейтрально. Безопасно.

Он наливает мне стакан. Я пью маленькими глотками — сегодня руки дрожат меньше. Или мне кажется.

— Мне нужно идти, — говорю я, ставя стакан. — Домой. За вещами.

— Не надо, — отвечает Артём. Тихо, спокойно, без давления. — Он там.

Я замираю. Он там. Дима там, в моей квартире, на седьмом этаже. Может быть, спит. Может быть, ждёт. Может быть, пишет мне сообщения — я не включала телефон, я боюсь.

— Откуда вы знаете? — спрашиваю я.

— Я выглянул в окно, — пожимает он плечами. — Он внизу. Стоит у подъезда. Уже час.

Я вскакиваю так резко, что табуретка падает. Артём не двигается. Только смотрит на меня всё тем же спокойным взглядом.

— Он дежурит? — мой голос срывается на визг. — Он что, дежурит у подъезда, чтобы я не вышла? Это... это незаконно!

— Может быть, — соглашается Артём. — Но он стоит. Курит. Ходит туда-сюда. Ждёт.

— Чего он ждёт? — я почти кричу. — Я же всё видела!

Что он хочет? Объяснить? Извиниться? Чтобы я вернулась и сказала: «Ничего страшного, дорогой, продолжай трахать свою Катю, а я пойду сварю борщ»?

Артём молчит. Я слышу, как громко дышу — часто, поверхностно, как перед панической атакой. Я умею справляться с паникой — нас учили на тренингах, как дышать, как считать до десяти, как отключать эмоции. Но сейчас никакой тренинг не работает. Потому что это не турбулентность в небе. Это земля. Моя земля. Моя жизнь.

— Сядь, — говорит Артём. Не приказывает — предлагает.

— Я не могу сидеть, когда он там!

— А что ты сделаешь, если выйдешь? — спрашивает он.

— Выйдешь — он тебя увидит. Схватит. Утащит обратно. Или начнёт скандал на весь двор. Ты этого хочешь?

Я не хочу. Я вообще ничего не хочу. Я хочу, чтобы этот день не наступал. Чтобы я осталась вчера в Нью-Йорке, в гостинице, не полетела этим рейсом, не вернулась раньше. Чтобы я ничего не знала. Глупая. Какая же я глупая. «Не знать» — это не счастье, это трусость. А я не трусиха. Я три года летаю через океан в ночных рейсах, я видела всякое: и сердечные приступы на борту, и роды (да, роды на высоте десять тысяч метров, и это было страшнее, чем любой фильм ужасов), и турбулентность, когда пассажиры кричали, молились, прощались с жизнью. Я держалась. Я всегда держалась. Держусь и сейчас.

— Я позвоню в полицию, — говорю я твёрже. — Заявление. Он меня преследует.

— Позвонишь, — кивает Артём. — Но не сейчас. Сейчас ты выйдешь — и что? Полиция приедет через час. За это время он тебя найдёт. Или ты будешь сидеть в подъезде и ждать, пока приедут? А он — стоять рядом и улыбаться? Улыбнётся, скажет: «Девушка, вы перепутали, это моя жена, мы просто поссорились». И полиция уедет. Потому что у нас так принято. Семейные дела — не их забота.

Я знаю, что он прав. Это самое страшное. Он прав, а я — в ловушке.

— И что мне делать? — спрашиваю я. Мой голос становится тихим. Слишком тихим. Почти шёпотом.

Артём смотрит на меня долго. Неотрывно. Я чувствую на себе его взгляд — тяжёлый, изучающий, но не пугающий. Как будто он сканирует меня на прочность. Смотрит, сломаюсь я или нет.

— Я могу помочь, — говорит он наконец.

— Нет, — отвечаю я раньше, чем успеваю подумать. — Нет. Вы уже помогли. Открыли дверь. Дали ночлег. Этого достаточно. Я не буду втягивать вас в свои проблемы.

— Вы уже втянули, — напоминает он без тени упрёка. — Когда вбежали в мою квартиру. Теперь я — соучастник. Хочу я этого или нет.

— Я не просила, — говорю я зло. Злость — это хорошо. Злость лучше, чем слёзы. Злость можно контролировать.

— Я не говорю, что просили, — пожимает он плечами.
— Я говорю, как есть. Вы здесь. Он там. Я между вами. И если я сейчас дам вам ключи и скажу: «Идите на все четыре стороны», — я буду не лучше него.

— А вы кто? — спрашиваю я. И в этом вопросе слышу не только страх, но и интерес. Настоящий. Человеческий. Потому что я ничего не знаю об этом мужчине, кроме его имени и того, что он не спит по ночам и пьёт чёрный кофе без сахара.

— Вы сами сказали вчера: «вы даже не знаете меня», — отвечает он. — Это всё ещё правда. Я — сосед с восьмого этажа, который шёл выносить мусор. Этого достаточно.

— Нет, — качаю я головой. — Вы не просто сосед. Сосед бы закрыл дверь и не открыл. Или открыл бы, увидел женщину с чемоданом, сказал «извините, я занят» и закрыл обратно.

— Может быть, я не такой, как все, — он почти улыбается. Но нет — не улыбается. Уголки губ чуть поднимаются, и тут же опускаются. Почти улыбка. Черновик улыбки.

— Я не хочу вашей помощи, — говорю я. И слышу, как это звучит. Детски. Глупо. Неблагодарно.

— Я заметил, — кивает он. — Поэтому я не предлагаю. Я констатирую. У меня есть родители. Они уехали в отпуск — на две недели. Квартира пустует. Вы можете пожить там. Я смотрю на него. Не верю своим ушам.

— Вы предлагаете мне... чужую квартиру? Вы с ума со-

шли? Я вам кто? Зачем вам это?

— Я не предлагаю, — терпеливо повторяет он. — Я говорю вам, что есть такая возможность. Вы можете сказать «нет». Можете остаться здесь — на раскладушке, сколько нужно. Можете пойти в гостиницу. Можете вернуться к мужу. Можете улететь к родителям. Выбор за вами. Я просто озвучиваю варианты.

— Я не могу вернуться к мужу, — цежу я сквозь зубы. — Это не вариант.

— Тогда выбирайте из остальных.

— Вы странный, — говорю я. — Вы вообще понимаете, как это выглядит? Я вбежала к вам в квартиру посреди ночи, вы дали мне плед и воду, а теперь предлагаете поселить меня в квартире ваших родителей? Нормальные люди так не делают.

— А нормальные люди не выбегают из собственной квартиры с одной туфлей, — парирует он. — Но жизнь бывает ненормальной. Особенно по воскресеньям в шесть утра.

Я не знаю, смеяться мне или плакать. Поэтому я просто стою посреди его маленькой кухни и смотрю на него — на этого странного, хмурого, молчаливого человека, который не задаёт вопросов, но почему-то решает мои проблемы. Который не лезет с объятиями, но даёт плед. Который не говорит «я помогу», но уже помог трижды.

— Почему? — спрашиваю я. — Почему вы это делаете? Он смотрит на меня несколько секунд. Долгих. Тяжёлых.

В его глазах что-то мелькает — боль? Воспоминание? Я не знаю.

— Потому что однажды я был на вашем месте, — говорит он тихо. — Только без чемодана. И без туфли. И дверь мне никто не открыл.

— И что с вами случилось? — спрашиваю я.

— Это неважно, — качает он головой. — Важно, что я выжил. И вы выживете. Но лучше — не в подъезде.

Я молчу. Он молчит. Часы с кукушкой тикают.

— Я не возьму ваши ключи, — говорю я наконец.

— Хорошо, — кивает он. — Тогда оставайтесь здесь.

— Я не могу здесь оставаться.

— Тогда у вас есть ещё час, пока ваш муж не ушёл курить в другой подъезд, чтобы собрать чемодан и уехать в гостиницу.

— У меня нет денег на гостиницу, — признаю я. И это звучит как самое ужасное признание в моей жизни. Я не бедная. Я работаю. Но все деньги — на ипотеке, на счетах, на картах, к которым Дима имеет доступ. А наличных у меня — три тысячи рублей. На такси и обед.

— Тогда оставайтесь здесь, — повторяет он, как заезженную пластинку.

— Я сказала — нет.

— Я слышал.

Он встаёт, берёт свою кружку, моет её в раковине. Я смотрю на его спину — широкую, напряжённую. Он тоже не спал

всю ночь. И он предлагает мне свою помощь, а я отказываюсь, потому что боюсь. Боюсь быть обязанной. Боюсь стать слабой. Боюсь, что он потом попросит что-то взамен, а у меня ничего нет. Ничего, кроме чемодана, одной туфли и разбитого сердца.

— Я сама справлюсь, — говорю я. — Я всегда справлялась.

Артём выключает воду. Вытирает руки о полотенце. Поворачивается ко мне.

— Я не сомневаюсь, — говорит он. — Но «справиться» и «быть в безопасности» — разные вещи. Вы можете справиться в одиночку. А можете принять помощь и справиться быстрее.

— Вы звучите как моя мама, — говорю я, и впервые за это утро в моём голосе проскальзывает что-то похожее на нормальность. Почти нормальность.

— Ваша мама была бы права, — отвечает он.

Я смотрю в окно. За стеклом — серое московское утро, двор, гаражи, и вдали у подъезда — фигура в чёрной куртке. Дима. Он стоит, курит, смотрит вверх. На окна. На восьмой этаж. На ту самую квартиру, где я сейчас нахожусь.

Он не знает, на каком этаже я спряталась. Но он ищет. И он найдёт. Он всегда находил. Потому что он знает меня лучше, чем я сама. Знал.

— Хорошо, — говорю я еле слышно. — Хорошо. Дайте мне ваши ключи.

— От чего? — уточняет Артём. Спокойно. Без победы в голосе.

— От квартиры ваших родителей, — говорю я, и эти слова горчат на языке. — На две недели. Я заплачу. Потом.

— Не нужно, — говорит он. — Просто пообещайте, что не будете выходить, пока он там.

— Я не могу сидеть в четырёх стенах две недели.

— Сможете, — он достаёт из кармана связку ключей. Два ключа — один от подъезда, один от квартиры. И маленький брелок — пластмассовый слон. Детский. — Родители живут в соседнем районе. Тихий двор, закрытый дом. Туда он не проберётся. А я буду за вами присматривать.

— Вы будете за мной присматривать? — я поднимаю бровь. — Вы мой личный телохранитель?

— Я ваш сосед, — поправляет он. — Который хочет, чтобы вы не разбились.

Я беру ключи. Они холодные и тяжёлые — металл приятно лежит в ладони. Слон — смешной, нелепый, он раскачивается на брелке, когда я перебираю ключи.

— Спасибо, — говорю я, и это слово кажется таким маленьким для такого большого поступка. — Я... я верну их через две недели. И уйду. И вы меня больше не увидите.

— Как скажете, — кивает Артём. И я вижу, что он мне не верит. Не верит, что я уйду, не верит, что мы больше не увидимся, не верит ни одному моему слову.

Но он ничего не говорит.

— Адрес, — напоминаю я.

Он диктует. Я запоминаю — у меня тренированная память на цифры и улицы, часть профессии. Живой навигатор, шутят коллеги.

— Когда он уйдёт? — спрашиваю я, кивая в сторону окна.

— Когда допьёт кофе из автомата, — Артём выглядывает в окно. — Курит уже третью. Наверное, ждёт, пока вы выйдете. Он не знает, где вы. Но знает, что вы в доме.

— Откуда?

— Видел, как вы вбежали в подъезд. Не видел, на каком этаже вышли. Будет проверять.

— И как он проверит? Обойдёт все квартиры?

— Не все. Но мою — может. Потому что вы пробежали наверх.

Я вздрагиваю. Он прав. Дима сообразительный. Он догадается. Он постучит в каждую дверь на восьмом этаже. И в девятую. И в седьмую — снова.

— Мне нужно уйти сейчас, — говорю я.

— Нет, — качает головой Артём. — Рано. Он ещё здесь. Подождите.

Я жду. Мы сидим на кухне — я на табуретке, он на стуле. Пьём кофе — я всё-таки согласилась на кофе, потому что вода кончилась, а чай я не хочу. Кофе горький, без сахара, как у Артёма. Я брезгливо морщусь, но пью. Горечь — это честно. Горечь я понимаю.

Проходит час. Я смотрю на часы с кукушкой — стрелки

ползут черепашным шагом. Время застыло. Двор за окном живёт своей жизнью — кто-то выгуливает собак, кто-то выносит мусор, кто-то ведёт детей в школу искусств по воскресеньям. Обычная жизнь. В которой мне больше нет места.

— Он ушёл, — говорит Артём, отрываясь от окна. — Сел в машину и уехал.

— Точно?

— Точно. Видел, как открыл дверь и завёл двигатель.

Я встаю. Ноги затекли — я сидела неподвижно слишком долго. Беру чемодан, проверяю — ключи на месте. Туфля — я так и не нашла вторую. Вчера, когда я вбежала, я оставила её в прихожей Димы. Чёрт.

— Возьмите мои, — говорит Артём, показывая на кроссовки в прихожей. — У нас один размер, кажется.

Я смотрю на него. Он носит сорок второй? А я — тридцать девятый? Нет, не один.

— Спасибо, но нет. Я лучше босиком.

— Тогда возьмите носки. Толстые. — Он открывает ящик в комод и достаёт пару серых шерстяных носков. — Не впритык, но теплее.

Я беру носки. Надеваю. Они велики — съезжают, но я подворачиваю край. Идёт. Босиком я быстрее замёрзну на апрельском ветру.

— Вы меня проводите? — спрашиваю я. Вопрос звучит глупо. Я взрослая женщина, я летаю через океан, я справлялась с десятками сложных пассажиров, с аварийными ситу-

ациями, с турбулентностью, когда люди целовали иконы. И вот я стою в чужой прихожей в чужих носках и спрашиваю, не проводит ли меня сосед в безопасное место. Как ребёнок.

— Провожу, — говорит Артём. — До такси.

— У меня нет телефона, вызвать такси.

— У меня есть, — он достаёт свой. — Я вызову.

Мы выходим. Я делаю первый шаг за дверь его квартиры — и на лестничной клетке, где прошлой ночью разворачивался мой личный ад, мне становится страшно. Вдруг он вернулся? Вдруг Дима стоит внизу, на площадке седьмого этажа, и ждёт, когда я выйду?

— Идите за мной, — говорит Артём и идёт вперёд. Широкими шагами — я едва поспеваю за ним, перебирая чужими носками по грязному бетону.

Мы спускаемся по лестнице. Тишина. Только моё дыхание и его — ровное, спокойное. Он не боится. Или боится, но не показывает.

Первый этаж. Выход во двор. Артём выглядывает в щель двери — потом распахивает её и кивает мне: «Давай».

Мы выходим. Я не оборачиваюсь. Иду к воротам, где уже стоит жёлтое такси — Артём вызвал его за пять минут до выхода, всё продумал.

— Садитесь, — говорит он, открывая мне дверь.

Я сажусь. Кладу чемодан на колени — не хочу в багажник, боюсь, что он откроется и я потеряю последнее, что у меня есть.

— Спасибо, — говорю я в окно. — Я не забуду.

— Не за что, — отвечает Артём. — И не надо помнить.

Просто... будет тяжело. Но вы справитесь.

Я киваю. Водитель такси — женщина лет пятидесяти — смотрит на нас в зеркало заднего вида и ничего не говорит. Умная женщина. Не лезет.

— Едем? — спрашивает она наконец.

— Да, — говорю я. — По адресу.

Такси отъезжает. Я смотрю в окно. Артём стоит у ворот, засунув руки в карманы, в своей серой футболке и спортивных штанах. Без куртки. На улице плюс пять. Он замёрзнет. Но он не уходит. Стоит и смотрит вслед такси, пока мы не поворачиваем за угол.

Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза.

Я вбежала в чужую дверь. Я получила одеяло и ключи от квартиры чужих родителей. Я еду в неизвестном направлении с чужими носками на ногах и чужими ключами в руке. Я ничего не знаю о человеке, который спас меня.

И я отказываюсь от его помощи снова и снова, потому что боюсь.

Но самое страшное даже не это.

Самое страшное — что я не знаю, боюсь я его или боюсь себя.

Потому что когда он стоял у ворот и смотрел мне вслед, я на секунду — одну крошечную, глупую, неуместную секунду — подумала: «Как жаль, что я никогда не узнаю, какой он».

Водитель говорит: «Приехали». Я открываю глаза.
Новая жизнь начинается.

Глава 2

Квартира родителей Артёма пахнет нафталином и временем.

Я стою в прихожей и не могу сделать шаг дальше — не потому, что мне страшно, а потому, что это чужое пространство, чужое счастье, чужие стены, которые помнят чужие секреты. Я здесь не нужна. Я здесь случайно. Я здесь как перелётная птица, которая сбилась с курса и залетела в незнакомое окно.

Ключи — те самые, с пластмассовым слоном — я всё ещё сжимаю в руке, хотя дверь уже открыта. Слон смешной, нелепый, детский. Артём — взрослый мужчина за тридцать, а у него на связке игрушка. Может быть, это подарок. Может быть, племянника. Может быть, дочери, о которой он не сказал. Я ничего о нём не знаю. И не хочу знать. Не моё дело.

Такси уехало. Водительница даже не спросила, зачем я здесь, в этом спальном районе, без вещей — только чемодан, только чужие носки на ногах и чужая боль в груди. Умная женщина. Не лезет в чужие жизни. В отличие от меня — я уже влезла в чужую жизнь по самую макушку, и теперь захлёбываюсь в ней.

Квартира просторная — намного больше, чем однушка Артёма. Две комнаты, кухня с большой газовой плитой, лоджия, застеклённая и заставленная цветами. Герань, фикусы,

какие-то выющиеся растения — всё зелёное, живое, дышащее. Здесь кто-то живёт. По-настоящему живёт — не просто спит и ест, а живёт. Я чувствую это по мелочам: по фартуку с вышивкой на кухне, по вязаной салфетке под телевизором, по магнитам на холодильнике — «Прага», «Берлин», «Стамбул». Родители Артёма путешествуют. Они счастливы. У них есть деньги на поездки, друг у друга, и сын, который заботится об их квартире в их отсутствие. А у меня — ничего. Ни мужа, ни дома, ни планов. Только чемодан с формой и разбитое сердце.

Я ставлю чемодан в коридоре — там, куда падает свет из окна на кухне. Свет серый, апрельский, но всё равно тёплый. Наверное, я теперь буду замечать свет везде. У меня будет много времени на свет и тени.

Телефон. Я должна включить телефон. Там сообщения от Димы — сто, двести, триста. Я знаю. Он будет писать, звонить, умолять, угрожать. Он всегда так делает, когда я злюсь. Раньше я оттаивала. Раньше я верила, что он исправится. Раньше у меня не было доказательства его предательства в виде голой Кати на нашей кровати.

Телефон лежит в боковом кармане чемодана — я сунула его туда ещё в такси, потому что не хотела видеть экран. Выключать не стала. Боялась, что если выключу, то обратно уже не включу, и тогда я исчезну для всех — для работы, для подруг, для мира. А я не хочу исчезать. Я хочу, чтобы мир знал: он меня не убил. Он меня не сломал. Я ещё здесь.

Достаю телефон. На экране — 47 пропущенных. 32 сообщения. 15 уведомлений из соцсетей.

Я не открываю их. Не сейчас. Сейчас я позвоню Ленке. Ленка — моя напарница, та самая, с кем мы летели из Нью-Йорка. Она поймёт. Она женщина, она за#мужем, но она поймёт, потому что каждая женщина боится оказаться на моём месте. И Ленка не из тех, кто будет говорить «я же говорила». Ленка будет просто слушать.

Набираю номер. Гудки. Один, два, три.

— Вика? — голос Ленки сонный, хриплый. Она только что проснулась. Конечно, она спит в воскресенье утром, у неё законный выходной после рейса. А у меня — жизнь рухнула. — Ты чего так рано? Что случилось?

— Лен, — говорю я, и голос снова ломается — этот проклятый, предательский голос, который отказывается быть сильным. — Лен, я застала его.

Тишина на том конце провода. Ленка всё понимает. Слова не нужны.

— С кем? — спрашивает она тихо.

— С Катей. Из его офиса. В нашей постели.

— Боже, — выдыхает она. — Боже, Вика... ты как?

— Я в какой-то чужой квартире. Я убежала. Он гнал за мной. А я вбежала к соседу. Он меня приютил. А теперь дал ключи от квартиры своих родителей. И я здесь. Одна. В чужих тапках.

— Ты говоришь что-то невнятное, — Ленка встревоже-

на — я слышу это по её голосу, который стал резче, чётче. Она проснулась окончательно. — Ты в безопасности? Ты где? Адрес скажи.

— Не надо, — качаю я головой, хотя она не видит. — Я в порядке. То есть не в порядке, но физически цела. Деньги есть? — спрашиваю я, потому что Ленка — единственный человек, у которой я могу спросить о деньгах без стыда.

— Какие деньги? — удивляется она. — Ты же работаешь. У тебя зарплата.

— Она на карте. К которой у Димы доступ. Я не могу её трогать — он увидит, поймёт, где я. А наличных — три тысячи.

— Вика, — Ленка вздыхает. — Ты же понимаешь, что это абсурд? Сними деньги. Он не имеет права их блокировать.

— Он имеет, — говорю я громче. — Потому что это совместный счёт. Он его откроет и увидит, где я снимала. Банкомат показывает адрес. Он приедет. Или пошлёт кого-то. Я не хочу, чтобы он знал, где я.

— Тогда сними в другом районе, — Ленка говорит спокойно, как с ребёнком. — Съезди на другой конец Москвы, сними деньги, купи наличные.

— На такси нужны деньги. И гостиница нужна. А гостиница дорого. У меня нет.

— Слушай, — Ленка делает паузу. — У нас с Петей есть небольшая сумма на чёрный день. Я могу тебе дать.

— Нет, — отрезаю я. — Нет. Не надо. Я не буду брать у

тебя деньги. У тебя дети. У тебя ипотека. Я сама.

— Ты сама, — вздыхает она. — Вика, ты всегда сама. Но сейчас ты не одна. Ты же мне звонишь, значит, ты всё-таки хочешь помощи.

— Я хочу, чтобы ты просто сказала, что это не конец света, — шепчу я. И слёзы — дурацкие, солёные, никому не нужные — снова текут по щекам. — Скажи, что я справлюсь.

— Ты справишься, — твёрдо говорит Ленка. — Ты — лучшая стюардесса в нашей компании. Ты справлялась с роженицей на борту, с сердечным приступом у миллионера, с турбулентностью над Атлантикой, когда у нас отключилась половина систем. Ты справишься с мужиком, который не стоит твоего мизинца. Но тебе нужно место. Хотя бы на неделю.

— Мне предложили квартиру, — признаюсь я. — Сосед. Тот, к кому я вбежала. Он сказал, что у родителей пустует две недели.

— И ты там сейчас?

— Да. Но я не знаю, правильно ли это. Он чужой человек. Он не должен был это делать. Я ему ничего не должна.

— Он тебе ничего не должен, — соглашается Ленка. — Но он сделал. Значит, человек. Не все мужики козлы, Вика. Бывают и нормальные.

— Ты его не знаешь, — возражаю я.

— Ты его тоже не знаешь. Но он тебя не убил, не ограбил, не изнасиловал, не выгнал. Уже лучше, чем твой муж, который трахал другую в твоей постели.

Ленка жёсткая. Я это знаю. Но сейчас её жёсткость — как наждачная бумага, сдирающая с меня последнюю иллюзию. Никаких «всё будет хорошо». Только факты. Муж — козёл. Сосед — человек. Я — дура, если не приму помощь.

— Мне нужно снять квартиру, — говорю я. — Свою. Чтобы я знала, что это моё.

— Снимешь, — кивает Ленка — я слышу, как она ходит по кухне, наверное, ставит чайник. — Но не сейчас. Сейчас найди объявления, посмотри цены. Я тебе скину контакты риелтора — хорошая женщина, не обманет.

— У меня нет денег на залог.

— Тогда живи у соседа две недели. За это время что-нибудь придумаешь. В крайнем случае — побудешь у меня, но у меня тесно, дети шумят. Не для твоей нервной системы.

— Лен, — говорю я, — а если он что-то попросит взамен? Этот сосед?

— Кто? — не понимает она.

— Артём. Ну, сосед. Если он дал мне ключи, а потом скажет: «А теперь ты мне должна»?

— Должна будешь — отдашь, — философски замечает Ленка. — Но по-моему, ты накручиваешь. Не все мужики мыслят категориями «ты мне — я тебе». Некоторые просто видят человека в беде и помогают. Это называется эмпатия. У тебя она есть, у меня есть, у твоего мужа — нет. А у соседа, видимо, есть.

— Я боюсь, — признаюсь я. Боюсь я. Не Диму. Не оди-

ночества. Не безденежья. А этого — быть обязанной. Быть слабой. Быть той, кому нужна помощь.

— Бойся, — соглашается Ленка. — Но не отказывайся. Ладно, мне пора. Петя встаёт, дети орут. Я тебе скину контакты риелтора и пару объявлений. Ты посмотри. Отдохни сегодня. Не принимай решений на голодную голову.

— Спасибо, — говорю я. И кладу трубку.

Квартира молчит. Только часы на стене — большие, с боем — тикают. Не так громко, как у Артёма, но навязчиво. Время здесь тоже идёт, но медленнее, спокойнее. Как будто эти стены не пускают внутрь чужую боль.

Я прохожу на кухню. Ставлю чайник — электрический, современный, наверное, родители Артёма любят комфорт. Открываю холодильник — пусто, только масло, яйца, полбуханки хлеба и банка варенья — вишнёвого, домашнего. Они уехали в отпуск и опустошили холодильник, но забыли мелочи. Или оставили нарочно — для гостей. Для таких, как я.

Я не голодна. Но надо поесть. Надо что-то делать, чтобы не сойти с ума. Я делаю бутерброд — хлеб, масло, варенье. Сладкое, липкое, детское. Жую и смотрю в окно на чужой двор. Там дети играют в песочнице — маленькие, счастливые, они не знают о предательствах. Они думают, что любовь навсегда. Я тоже так думала.

Телефон пикает — сообщение от Ленки: ссылки и контакты. «Держись, подруга. Ты сильная».

Я открываю объявления. Снять квартиру в Москве. Са-

мые дешёвые — студии на окраинах, от двадцати пяти тысяч в месяц. Плюс залог — ещё двадцать пять. Плюс коммунальные. Итого — около шестидесяти тысяч только для въезда. У меня нет шестидесяти тысяч. У меня есть три тысячи наличными и недоступный счёт.

Я могла бы попросить у родителей. Но родители в Краснодаре, у них свои проблемы — отец болеет, мать на пенсии. Им не до меня. И я не хочу их пугать. Мать будет плакать, говорить: «А я же тебе говорила, этот Дима — несерьёзный». Отец возьмёт кредит. Я не хочу. Лучше уж на улице, чем видеть, как отец платит за мои ошибки.

Я могла бы взять деньги у Ленки в долг. Но у неё двое детей, муж водитель автобуса, они сами едва сводят концы с концами. Она предложит — я знаю — но я не возьму. Не могу. Гордость? Глупость? Может быть. Но я не возьму.

Значит, остаюсь здесь. Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. И потом — неизвестность.

Я допиваю чай — чёрный, без сахара, как научил меня Артём своей горечью. Мою кружку, ставлю на сушилку. Протираю столешницу — чисто, но я протираю, потому что не знаю, куда деть руки. Они должны быть заняты. Если руки заняты, голова думает медленнее.

Входная дверь открывается.

Я замираю. Сердце ухает вниз, как в скоростном лифте. Ключи. У кого-то есть ключи. Артём — только Артём знает, что я здесь. Но он не мог прийти — он сказал, что не будет

меня беспокоить. Или решил проверить? Или забыл что-то? Или — я не хочу даже думать — Дима нашёл меня?

Из прихожей доносится голос:

— Вика? Это я. Артём. Я стучал, но вы не слышали.

Я выдыхаю. Дрожу. Колени подкашиваются — я опираюсь руками о стол, чтобы не упасть. Входи. Входи, чёрт бы тебя побрал. Ты меня напугал до смерти.

Артём появляется в дверях кухни. В той же серой футболке, но теперь уже в джинсах и кроссовках. И в куртке — чёрной, лёгкой, кожанной. На улице прохладно, а я сижу в чужой кофте — я нашла её в шкафу, наверное, мамина, тёплая, вязаная, с высоким воротом. Украла, простите, родители.

— Как вы здесь? — спрашиваю я. Голос грубый, резкий. — Вы не должны были приходить. Вы сказали, что оставите меня.

— Я сказал, что не буду мешать, — поправляет он. — А пришёл проверить, всё ли в порядке. И предупредить.

— Предупредить о чём?

— О вашем муже.

Я замираю. Снова. Вторая заморозка за день. Я начинаю ненавидеть это слово — «муж». Оно звучит как приговор.

— Что с ним? — спрашиваю я. Я боюсь ответа, но должна знать.

— Он не уехал, — говорит Артём, садясь на стул напротив меня — как вчера на его кухне. Те же позы, тот же полумрак, то же напряжение. — Я вышел проверить. Он стоит у

соседнего подъезда. Не у нашего — у другого, через дорогу. Но видит вход. Ждёт.

— Он знает, где я? — я почти кричу.

— Нет, — качает головой Артём. — Он не знает. Но он не уедет, пока не убедится, что вы не вернулись домой.

— Я не вернусь, — говорю я твёрдо. — Никогда.

— Я знаю. Но он — нет. Он думает, что вы у подруги. Или у родителей. Или в гостинице. Он будет ждать. Может быть, день. Может быть, два. Может быть, неделю. Он не из тех, кто сдаётся быстро.

— Откуда вы знаете? — я смотрю на него. На его спокойное лицо, на тёмные круги под глазами, на шрам на брови. Он выглядит уставшим. Но не сломленным. Он никогда не был сломленным — я это вижу.

— Я видел его, — пожимает плечами Артём. — Несколько раз в подъезде. Он курит, ходит, говорит по телефону. Злой. Нервный. Но контролирует себя. Такие опаснее тех, кто кричит. Он просчитывает варианты.

— И что ему нужно? — спрашиваю я. — Я же всё видела. Какой смысл? Я не вернусь. Зачем он меня ищет?

— Чтобы вернуть контроль, — говорит Артём. И в его голосе — опыт. Личный, горький опыт. Я чувствую это. — Ему не нужны вы. Ему нужно, чтобы вы подчинились. Чтобы вы сделали так, как он хочет. Вернулись, простили, забыли. Или не забыли, но делали вид. Так удобнее. Так мир не рушится.

— Мой мир уже рухнул, — говорю я.

— Ваш мир рухнул для вас, — поправляет он. — Для него — ещё нет. Он борется за свой мир, где есть вы, квартира, ипотека, статус женатого мужчины, который не виноват. Если вы уйдёте, он станет виноватым. А он не хочет быть виноватым.

— Он и не виноват, — горько усмехаюсь я. — Это я виновата. Я много работаю. Я не слежу за собой. Я холодная. Я фригидная. Я всё это уже слышала. Сто раз.

— Он вам говорил?

— Не прямо. Но намёками. «Вика, ты всегда в рейсах», «Вика, ты устала», «Вика, тебе нужен отдых», «Вика, может, нам разнообразить секс?» — я передразниваю Диму, и голос мой становится противным, визгливым. — Разнообразить, значит. С Катей разнообразил.

Артём молчит. Он не говорит «он козёл» — не надо. Это и так понятно.

— Зачем вы пришли? — спрашиваю я уже спокойнее. — Только чтобы сказать, что он ждёт?

— Я пришёл, потому что вы не ели, — говорит Артём. И кивает на мою тарелку — пустую, только крошки от хлеба. — И потому, что вы не взяли нормальную обувь. И потому, что вы одна в чужой квартире, а у вас паника.

— Откуда вы знаете? — я злюсь. Злюсь, потому что он прав. Он всё видит. А я не хочу, чтобы меня видели. Я хочу быть невидимкой, пока не соберу себя заново.

— У вас трясутся руки, — говорит он. — Сейчас. И на

кухне у меня тоже тряслись. Вы не спали. Не ели. И не плакали — только один раз, когда я не смотрел. Я видел ваши глаза — они красные, но вы не плачете теперь. Потому что не хотите при мне. А надо бы поплакать. Легче станет.

— Я не буду плакать при вас, — сказала я. — Я вообще больше никогда не буду плакать.

— Будете, — говорит он. — И это нормально.

Я смотрю на него, и во мне закипает злость — чистая, горячая, почти обжигающая. Кто он такой, чтобы учить меня, как жить? Кто он такой, чтобы напоминать мне о моих слабостях? Я не просила его помощи. Я не просила ключей. Я не просила приходить и проверять, что я ем. Я — взрослая женщина. Я — Виктория Денисова, старший бортпроводник, мать своим коллегам в рейсах, опора и поддержка для пассажиров в аварийных ситуациях. Я не нуждаюсь в няньке.

— Послушайте, — говорю я жёстко. — Я благодарна вам за то, что вы открыли дверь. И за квартиру. Но я не просила вас следить за мной. Я не ваша подопечная. Я не ваш проект. Я справлюсь сама.

— Я знаю, — кивает Артём. И на его лице — ни капли обиды. Только спокойствие. Это бесит ещё больше. — Я не предлагаю быть вашим спасателем. Я просто оказался рядом.

— Окажитесь рядом в другом месте, — говорю я. — Пожалуйста.

Он встаёт. Медленно, не спеша. Поправляет куртку — просто привычка, я замечаю это. Идёт к выходу. Останавливается в дверях.

— Я не буду вам мешать, — говорит он. — Но если захотите поговорить — я на восьмом этаже. Или позвоните. Мой номер вы записали?

— Записала, — бурчу я. Я записала, когда он диктовал адрес. На всякий случай.

— Хорошо, — он уходит. Дверь закрывается тихо — он не хлопает, не давит, не хочет напугать.

Я остаюсь одна. Снова. Телефон в руке. Чай остыл. Бутерброд съеден.

Я смотрю на экран. Там — сообщения от Димы. Я не хочу их читать. Но пальцы нажимают сами.

«Вика, вернись, поговорим».

«Ты всё неправильно поняла».

«Это ничего не значило».

«Я люблю тебя».

«Вика, ты меня слышишь?»

«Ты не можешь просто взять и уйти».

«Я найду тебя».

Последнее сообщение: «Ты пожалеешь».

Я выключаю телефон. Кидаю на диван. Иду на кухню, наливаю новый чай — зелёный, ненавистный, но он есть в шкафу, а чёрный я выпила. Теперь буду пить зелёный. Буду приходить к новому. Ко всему новому.

Артём возвращается через час.

Я слышу, как открывается дверь — у него есть ключи, конечно, это квартира его родителей, он может входить когда захочет. Я не имею права возражать. Но внутри всё сжимается, потому что я не готова снова его видеть. Я сказала ему уйти. А он вернулся. Он не слушается. Он делает, что хочет.

— Я принёс продукты, — говорит он из прихожей. — Мама просила не давать холодильнику пустовать.

Я выхожу к нему. Он стоит с двумя пакетами — тяжёлыми, полными. Овощи, фрукты, молоко, сыр, колбаса, хлеб, печенье, бутылка воды. И пакет с гречкой. И макароны. И туалетная бумага. Он принёс всё. Всё, что нужно для жизни на две недели.

— Вы зачем? — спрашиваю я. В голосе усталость вместо злости. Я уже не могу злиться. Я просто опустошена.

— Я же сказал — мама просила, — повторяет он, проходя на кухню. Раскладывает продукты: молоко — в холодильник, овощи — в ящик для овощей, хлеб — в хлебницу. Он знает, где что лежит. Это его дом. И я здесь — чужая.

— Ваша мама ничего не просила, — говорю я. — Она в отпуске. Вы всё выдумали.

— Возможно, — соглашается он. — Но вам ведь нужно есть.

— Я могла купить сама.

— На что? — он поворачивается ко мне. Впервые за всё

время в его глазах я вижу не просто усталость — я вижу вызов. Он бросает мне вызов. — На три тысячи? Вы думаете, я не знаю, сколько у вас денег? Вы сказали «три тысячи» по телефону подруге. Я слышал.

Я застываю. Он слышал. Он подслушивал? Нет, я говорила громко, дверь была открыта — он стоял на площадке, когда мы с Ленкой разговаривали. Не подслушивал. Просто слышал. Но всё равно — стыдно. Стыдно, что он знает.

— Это не ваше дело, — шепчу я.

— А квартира моих родителей — моё дело, — отвечает он. — Я не хочу, чтобы вы голодали. Это не помощь. Это просто... гигиена. Человек должен есть.

— Вы невыносимы, — говорю я.

— Знаю, — кивает он. — Мне говорили.

Я сажусь на табуретку. Он садится напротив — снова те же места. Кухня родителей Артёма больше, но мы всё равно сидим так же близко, как на его маленькой кухне. Близко. Слишком близко.

— Зачем вы это делаете? — спрашиваю я уже не громко. Тихим голосом, почти молящим. — Вы меня не знаете. Я для вас — никто. Женщина с чемоданом, которая ворвалась к вам в дверь. Почему вы не вызвали полицию? Почему не сказали: «Идите вон»? Почему вы дали мне ключи, плед, воду, продукты, время, пространство? Почему?

Артём смотрит на меня. Долго. Я чувствую, как его взгляд касается моего лица — щёк, губ, глаз. Он не раздевает меня

взглядом — нет, это не то. Он изучает. Как архитектор изучает здание перед реконструкцией. Ищет трещины, слабые места, точки опоры.

— Потому что я был на вашем месте, — говорит он наконец. — Я уже говорил. И дверь мне никто не открыл.

— Кто вас предал? — спрашиваю я. Потому что теперь мне нужно знать. Вдруг это важно. Вдруг это объяснит, почему он такой — спокойный, холодный, но внутри — огонь. Или нет внутри огня? Я не знаю.

— Неважно, — качает он головой. — Важно то, что я выжил. И вы выживете.

— Вы уходите от ответа.

— Я ухожу от своего прошлого, — поправляет он. — Как и вы сейчас.

Мы молчим. Часы тикают. На кухне пахнет свежим хлебом и вареньем — моим вчерашним ужином и сегодняшним завтраком.

— Я не могу здесь оставаться, — говорю я. — Две недели — это много. Я должна найти своё жильё. Снять комнату, студию, что угодно.

— Найдите, — не спорит он. — Но не сегодня. И не завтра. Дайте себе время прийти в себя. Вы в шоке. Вы не можете принимать решения в таком состоянии.

— Я всегда могу принимать решения, — огрызаюсь я.

— Тогда примите одно: оставайтесь здесь на неделю. А потом посмотрим.

— Вы всегда всё решаете за других? — спрашиваю я.

— Только когда другие не могут решить за себя, — отвечает он.

Я смотрю на него, и вдруг меня накрывает. Не паника. Не злость. Не боль. Смех. Я начинаю смеяться — сначала тихо, потом громче, почти истерично. Я смеюсь, потому что всё это абсурдно. Потому что вчера в это же время я пила кофе в Нью-Йорке, читала роман в планшете и думала, как же хорошо вернуться домой к мужу. А сегодня я сижу на кухне чужого мужчины, в чужой кофте, в чужих носках, и этот чужой мужчина кормит меня гречкой и говорит, чтобы я не принимала решений на голодный желудок.

— Что смешного? — спрашивает Артём. Без обиды. С любопытством даже.

— Всё, — говорю я, вытирая слёзы — слёзы не от боли, от смеха, от безысходности, от того, что мир сошёл с ума. — Всё смешно. Я. Вы. Мой муж. Его любовница. Эта квартира. Ваши родители, которые сейчас пьют пиво где-нибудь в Турции и не знают, что у них на кухне сидит стюардесса-беглянка. Это всё чёртова комедия.

— Это драма, — поправляет он. Но в уголках его губ я вижу что-то, что почти улыбка. Почти.

— Не знаю, — вздыхаю я. — Я больше ничего не знаю.

Мы сидим молча. Он — пьёт кофе. Я — грею руки о кружку с зелёным чаем. Мы не смотрим друг на друга. Мы смотрим в окно. Там уже вечереет — апрельский день короткий,

солнце садится рано, и двор погружается в сиреневые сумерки.

— Я не возьму ваши ключи насовсем, — говорю я. — Через две недели я уйду.

— Если захотите, — говорит он. — Я не держу.

— Вы сказали «у родителей квартира пустует две недели». Это не вы, это обстоятельства. Я помню.

— Верно, — кивает он.

— Но вы всё равно решили за меня, — продолжаю я. — Вы дали мне ключи, не спрашивая, хочу ли я. Вы принесли продукты, не спрашивая, нужно ли. Вы пришли проверить, как я, хотя я просила вас не приходить. Вы решаете за меня. Это бесит.

— Я знаю, — говорит он. — Но если бы я не решил, вы бы сидели сейчас на вокзале или у подруги на раскладушке, или, хуже того, вернулись бы к нему. Я решил — и вы в тепле, с едой, в безопасности. Результат оправдывает метод.

— Вы невыносимы, — повторяю я.

— Вы уже говорили.

— Я скажу ещё.

— Говорите. Я не обидчивый.

Мы замолкаем. Сумерки сгущаются. На кухне темнеет, и Артём встаёт, чтобы включить свет. Короткое движение — пальцы нажимают на выключатель, и лампа над столом заливает нас жёлтым, тёплым светом.

— Оставайтесь сегодня здесь, — говорит он. — Поспите.

Поешьте нормально. Завтра посмотрим, что можно сделать.

— Вы хотите сказать, что завтра вы опять придёте?

— Захотите — приду, — пожимает он плечами. — Не захотите — нет. Я позвоню.

— Не надо звонить, — говорю я.

— Хорошо. Я напишу.

— Не надо писать.

— Тогда я буду стоять под дверью и смотреть, не вышли ли вы, — он улыбается. В первый раз. Настоящая улыбка — кривая, грустная, но настоящая. — Шучу. Я не буду вам мешать. Но если что — вы знаете, где меня найти.

Он уходит. Я слышу, как закрывается дверь, как затихают его шаги в подъезде. Я одна. В чужой квартире. В чужом районе. С чужой болью. И с чувством, что я только что проиграла какой-то важный бой — сама не знаю, с кем. С ним? С собой? С обстоятельствами?

Я смотрю на связку ключей. Пластмассовый слон качается на брелке. Он смешной. Он детский. Он напоминает мне о том, что я когда-то была ребёнком и верила, что все взрослые хорошие. Потом я выросла и поняла, что хороших мало. А теперь я встретила того, кто, кажется, хороший. Но я не хочу в это верить. Потому что если поверю — а он окажется таким же, как Дима? Или просто уйдёт? Или умрёт? Я не выдержу ещё одного падения.

— Это не я, это обстоятельства, — бормочу я его слова.

— Обстоятельства. Просто обстоятельства.

Я иду в спальню — родительскую спальню, большую, с кроватью под балдахином и вышитыми подушками. Разбираю постель — бельё свежее, пахнет лавандой. Ложусь. Закрываю глаза.

Я не плачу. Я не думаю о Диме. Я не думаю об Артёме. Я думаю о том, что завтра утро, и мне нужно будет решать, как жить дальше. Но это — завтра. А сегодня я просто лежу в чужой кровати и слушаю, как за окном шумит незнакомый город.

И засыпаю.

Первый раз за двое суток — без снов. Чистая, глубокая, спасительная пустота.

Глава 3

Переезд случился на второй день.

Я проснулась от того, что в дверь стучали. Не громко, не настойчиво — так стучат, когда не хотят напугать, но хотят, чтобы открыли. Я лежала в родительской кровати, под балдахинном, и несколько секунд не могла понять, где я. Потолок чужой. Запах чужой. Свет чужой. И только потом — ударом под дых — воспоминание: Дима, Катя, лестница, дверь, Артём.

— Вика, — голос Артёма из-за двери. — Я приехал помочь. Если вы не готовы — я уйду и приду позже.

Я села на кровати. Волосы слиплись, под глазами круги — я выглядела так, будто меня переехал грузовик. И чувствовала себя так же. Но вставать надо. Он приехал. Он ждал. Он опять делал что-то для меня, хотя я не просила.

— Иду, — крикнула я хрипло. — Дайте пять минут.

Я вскочила. Кое-как пригладила волосы, нашла в ванной расчёску — чужую, пластмассовую, с редкими зубьями. Умылась холодной водой — под глазами всё равно синева, но хотя бы не опухшие. Не плакала ночью. Заснула сразу, как голова коснулась подушки. Усталость взяла своё. Или защита. Организм просто отключил всё лишнее, чтобы я не сошла с ума.

Я открыла дверь. Артём стоял на пороге с сумкой через

плечо — старой, потёртой кожаной, такие носили в девяностых. В руках — пакет с чем-то звенящим. Банки, наверное. Или бутылки. Я не спросила.

— Доброе утро, — сказал он. И опять — никакого «как спалось?», никаких лишних вопросов. Просто констатация факта: наступило утро, и мы оба в нём присутствуем.

— Доброе, — буркнула я, отступая в сторону, чтобы он мог войти.

Он вошёл. Осмотрелся — дворецкая проверка? Или просто убедиться, что я ничего не разбила, не сломала, не подожгла? Я не знала.

— Вы завтракали? — спросил он, направляясь на кухню.

— Не успела, — ответила я, плетясь за ним.

— Я принёс йогурты. И булочки. Из пекарни у дома, — он начал доставать продукты из пакета, расставляя их на столе с аккуратностью, которая меня удивила. Он был большим, широкоплечим, с руками, которые, казалось, созданы для того, чтобы строгать, пилить, чертить, а не раскладывать йогурты по полочкам холодильника. Но он раскладывал. Медленно, спокойно, как будто ничего важнее йогуртов в мире не существовало.

— Вы не должны были, — начала я, но он меня перебил:

— Должен — не должен. Я принёс. Ешьте.

Мы сели за стол. Он — с кофе, я — с йогуртом, который оказался вишнёвым, и булочкой с корицей. Вкусно. Слишком вкусно для такого утра. Я почти забыла, что еда может

быть вкусной. Последние дни я жевала механически, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. А сейчас — корица, вишня, свежий хлеб. Как будто он принёс не продукты, а кусочек нормальной жизни.

— Спасибо, — сказала я, и в этот раз слово прозвучало почти нормально. Почти без надрыва.

Артём кивнул. Допив кофе, он сполоснул кружку и поставил в сушилку — рядом с моей, вчерашней. Две кружки. Рядом. Как будто мы вместе живём. Как будто это нормально.

— Я хотел спросить, — начал он осторожно. — Вы планируете здесь остаться? Или переедете куда-то?

— Откуда я знаю? — я пожала плечами. — Я живу одним днём. Вернее, не живу — существую.

— Это не ответ, — мягко заметил он.

— А вы не мой психотерапевт, — огрызнулась я. И тут же пожалела: он не заслужил эту грубость. Но я не могла иначе. Каждый раз, когда он задавал вопрос, который требовал честного ответа, я защищалась. Как собака, которая рычит на протянутую руку, даже если в ней вкусная кость.

— Не психотерапевт, — согласился он. — Просто сосед. Но если вы планируете остаться здесь на две недели, вам нужно привезти вещи.

— Какие вещи? — тупо переспросила я.

— Ваши. Из той квартиры. Я не думаю, что вам хочется ходить две недели в одной маминой кофте, — он кивнул на мою одежду — вязанный кардиган, который я стянула из шка-

фа, потому что своё было в чемодане, а в чемодане — только форма. Юбка, блузка, китель. И больше ничего.

— Я не могу вернуться, — сказала я тихо. — Он там.

— Я помогу, — сказал Артём. — Я схожу с вами. Или за вас. Что хотите.

— Вы не можете пойти за меня, — я покачала головой. — Вы не знаете, что брать. Где что лежит.

— Тогда пойдём вместе. Я посторожу у двери. Если он там — я что-нибудь придумаю. Если нет — соберёте сумку за пять минут.

— Это опасно, — возразила я. — Он может быть агрессивным.

— Я справлюсь, — сказал Артём, и в его голосе не было ни хвастовства, ни бравады. Простая уверенность. Как будто он знал, что может справиться с кем угодно — с Димой, с полицией, с целым миром.

Я смотрела на него и вдруг поняла: я ему верю. Не знаю почему. Может быть, потому, что он уже однажды закрыл дверь перед носом Димы. Может быть, потому, что он не задавал вопросов, не лез в душу, не требовал благодарности. Он просто делал. Делал то, что нужно. Как автомат. Как... как человек, который привык спасать других, потому что когда-то не спасли его.

— Хорошо, — сказала я. — Поехали.

Дорога до моей квартиры заняла полчаса на такси. Артём

сидел спереди, я — сзади, с чемоданом на коленях. Я прижимала его к себе, как спасательный круг. Водитель молчал — наверное, чувствовал напряжение. Артём тоже молчал. Но он поймал мой взгляд в зеркале заднего вида и едва заметно кивнул. «Всё будет нормально», — говорил его кивок. Я не верила, но кивнула в ответ.

Когда мы подъехали к дому, моё сердце забилося так сильно, что стало трудно дышать. Я смотрела на окна седьмого этажа. Шторы задёрнуты. Свет не горит. Может быть, Дима ушёл на работу? Или спит? Или сидит и ждёт меня, как паук в засаде?

— Я пойду первым, — сказал Артём, открывая дверь такси. — Посмотрю. Вы сидите здесь.

— Нет, — я схватила его за рукав. — Я не останусь одна. Пойдём вместе.

Он посмотрел на мои пальцы, сжимающие его куртку. Не сказал ни слова. Просто протянул мне руку — не для того, чтобы держаться, а чтобы помочь выйти из машины. Я не взяла. Выбралась сама. Гордость. Глупая, никчёмная гордость, которая мешает мне жить, но без которой я перестаю быть собой.

Мы вошли в подъезд. Лифт. Артём нажал кнопку седьмого этажа. Я стояла рядом, глядя на двери, которые открывались, и на кнопки, которые загорались, и думала: «Сейчас я увижу ту самую дверь, за которой была моя жизнь».

Лифт остановился. Двери открылись. Коридор. Знакомый

до боли — ковровая дорожка, которую я ненавидела, потому что она вечно скользила, и я споткнулась в первый день, когда мы въехали сюда. Соседняя дверь — пенсионеры, они, наверное, слышали вчерашний крик. Стыдно. Так стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю.

— Идите за мной, — шепнул Артём. — И не бойтесь.

Подошли к двери. Моя дверь. С номером 37. Я достала ключи — они всё ещё были у меня, я забыла их бросить, когда выбегала. Ключи от моей бывшей жизни. Замок щёлкнул. Артём толкнул дверь и шагнул внутрь первым — заслонил меня собой, как щитом. Я стояла за его спиной и слышала, как бьётся мое сердце.

— Никого, — сказал он. — Входите.

Я вошла.

В прихожей было темно. Я включила свет. Всё на своих местах: вешалка, полка для обуви, зеркало. Моя туфля — та самая, которую я потеряла, — валялась под вешалкой, где я её и уронила. Я подняла её. Поддержала в руках. Надела. Пара. Наконец-то пара.

Из спальни пахло чужими духами — сладкими, приторными, цветочными. Катиными. Я замерла в дверях. Кровать была не заправлена. Простыня смята, подушки разбросаны. На тумбочке — пустой бокал и её заколка. Маленькая, розовая, с бантиком. Детская. Какая же она ещё ребёнок, эта Катя.

— Я подожду в прихожей, — сказал Артём. — Соберите,

что нужно. Только быстро. Я не знаю, когда он вернётся.

Я кивнула. Прошла в спальню. Открыла шкаф. Мои вещи висели рядом с его. Рубашки, платья, пиджаки. Я начала снимать свои вещи — не глядя, охапками, кидая на кровать. Джинсы, свитера, бельё, носки. Всё, что моё. Я не хотела оставлять здесь ничего. Ни одного волоска, ни одной заколки, ни одной нитки.

Артём помог собрать чемодан — большой, дорожный, который мы купили с Димой в прошлом году в Duty Free. Я думала, это к лучшему. Теперь этот чемодан станет моим домом.

— Всё? — спросил Артём, когда я застегнула молнию.

— Всё, — сказала я, оглядывая спальню. — Всё.

Мы вышли. Я не обернулась. Артём закрыл дверь. И мы пошли к лифту — я с чемоданом, он с сумкой, полной моих вещей. По дороге мы прошли мимо квартиры пенсионеров. Дверь была приоткрыта. Из щели выглядывала любопытная старушечья голова.

— Виктория, — прошамкала соседка. — Вы вчера так кричали... Всё в порядке?

— Всё в порядке, Марья Ивановна, — сказала я, не останавливаясь. — Теперь всё в порядке.

Такси ждало у подъезда. Мы загрузили вещи и поехали. Не в квартиру родителей Артёма — он сказал, что сначала заедем в одно место. Я не спросила, куда. Мне было всё рав-

но.

Мы приехали в центр. Старый район, тихие улицы, дома с лепниной и высокими потолками. Артём попросил водителя остановиться у одного из них — сталинки, с колоннами и широкими окнами. Я вышла из машины, подняла голову. Дом выглядел солидно, дорого, но не помпезно. Как квартира, в которой живут люди с хорошим вкусом и без желания кому-то что-то доказывать.

— Это где? — спросила я.

— Это моя старая квартира, — сказал Артём. — Сейчас здесь живут родители. Но они уехали. А я живу в однушке, потому что... — он запнулся. — Потому.

Он не договорил. Я не стала спрашивать.

Мы поднялись на третий этаж. Артём открыл дверь — и я замерла на пороге.

Квартира была прекрасна. Не тем дорогим, пошлым блеском, который любят нувориши, а настоящей, старой, уютной красотой. Высокие потолки, лепнина, паркет «ёлочкой». Большая прихожая с вешалкой из красного дерева. Зеркало в резной раме. И запах — книг, ванили, времени.

— Проходите, — сказал Артём, пропуская меня вперёд. — Я покажу.

Я прошла в гостиную. Здесь была огромная стена с книгами — от пола до потолка, тысячи томов, корешки разных цветов и эпох. Диван с вышитыми подушками, торшер с бахромой, круглый стол на резных ножках. Скрипка в углу —

настоящая, не для декора. На стенах — фотографии в рамках: чёрно-белые, цветные, старые и новые. Я узнала на одной из них Артёма — мальчика лет десяти, с большими глазами и вихрастыми волосами. Рядом — женщина с добрым лицом и мужчина в очках. Родители. Они улыбались. Они были счастливы. Они не знали, что на их кухне будет плакать чужая женщина.

— Это балкон, — Артём открыл дверь на застеклённую лоджию. Там стояли кресла-качалки и цветы — герани, фикусы, какие-то вьющиеся растения. — Летом здесь хорошо. Мама любит читать по вечерам.

Я вышла на балкон. Отсюда открывался вид на тихий дворик-колодец — деревья, скамейки, детская площадка. Никакого шума. Только воробьи чирикают. Спокойно. Безопасно.

— А это кухня, — Артём провёл меня дальше.

Кухня была большая, светлая, с газовой плитой и огромным окном. На подоконнике — банки с вареньем, баночки со специями, глиняные горшочки. Холодильник — старый, «ЗИЛ», но ухоженный. На стенах — полотенца с вышивкой петухами. И запах сушёных трав.

— Здесь крупы, — Артём открыл шкаф. — Мама всегда держит про запас. Гречка, рис, пшено, овсянка. Если что — не стесняйтесь.

Он показал, где лежат консервы, где макароны, где сахар, чай, кофе. Потом открыл другой шкаф — с посудой. Тарелки, чашки, стаканы, стопки. Всё чужое. Всё не моё. Но та-

кое родное, что у меня защемило в груди. У нас с Димой была посуда из Икеи — белая, без рисунка, функциональная. Ничего личного. А здесь каждая чашка — с историей, с трещинкой, с цветочком.

— Аптечка здесь, — Артём показал на дверцу под раковиной. — Бинты, пластыри, зелёнка, парацетамол. Если что-то ещё нужно — аптека за углом.

— А Wi-Fi? — спросила я. Это прозвучало глупо. Но я должна была спросить что-то нейтральное, чтобы не разреваться.

— Пароль написан на роутере, — он кивнул на маленькую коробочку, стоящую на холодильнике. — Скорость приличная. Мама с папой смотрят сериалы.

Я кивнула. Родители смотрят сериалы. У них есть время на сериалы. У них есть жизнь. Они живут в этой красивой, тёплой, пахнущей ванилью квартире, а их сын ночует на раскладушке в однушке и не спит по ночам. Что с ним случилось? Я хотела спросить. Но не спросила. Потому что спросить — значит проявить интерес. А проявлять интерес к незнакомцу опасно.

— Вика, — Артём сел на табуретку. — Садитесь. Нам нужно поговорить.

Я села напротив. Те же позы, что и вчера, и позавчера. Мы оба застыли в этой иерархии — он слева, я справа, стол между нами. Разделяющий. Защищающий.

— Я хочу кое-что понять, — начал он. — Чтобы знать,

как лучше вам помочь.

— Вы уже помогли, — сказала я. — Квартира, продукты, переезд. Чего ещё?

— Вы не ответили на мой вопрос вчера, — он посмотрел мне прямо в глаза. Его взгляд был тяжёлым, но не давящим. Как одеяло — тяжёлым, но уютным. — Почему вы не уйдёте от него официально? Почему не подадите на развод?

Я отвернулась. Смотрела в окно, на двор, на деревья, которые только начинали зеленеть. Апрель — время лжи. Всё цветёт, а внутри — пустота.

— Потому что он не отдаст квартиру, — сказала я наконец. — Потому что он угрожал. Потому что у меня нет денег на адвоката. Потому что я боюсь.

— Чего боитесь?

— Всего, — я засмеялась — горько, надрывно. — Боюсь, что он найдёт меня. Боюсь, что он убьёт меня. Боюсь, что он заберёт наши накопления. Боюсь, что я останусь одна навсегда. Боюсь, что он прав и я на самом деле ничего не стою без него.

Артём молчал. Долго. Так долго, что я повернулась к нему. Он смотрел на свои руки — большие, с порезанными пальцами, с чёрточками от карандаша. Руки архитектора. Человека, который создаёт.

— Он не прав, — сказал Артём. — Вы не ничего. Вы Виктория. Вы летаете через океан. Вы спасаете людей. Вы сильная. Даже когда вам кажется, что вы ломаетесь.

— Вы меня не знаете, — прошептала я.

— Знаю достаточно, — сказал он. — Чтобы сказать: вы не заслужили того, что он сделал. Никто не заслуживает.

— Перестаньте, — я встала. — Не надо. Не надо делать из меня жертву.

— Я и не делаю, — он тоже встал. — Вы не жертва. Вы женщина, которая вбежала в чужую дверь и не побоялась попросить помощи. Не словами — поступком. Это не слабость.

Я не выдержала. Я почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее, злое, почти ненавистное — и не могла понять, на кого: на Диму, на Артёма или на себя.

— Послушай, — сказала я, переходя на «ты» — впервые. Я даже не заметила, как это случилось. — Ты не должен быть хорошим. Ты не должен меня спасать. Ты не должен мне помогать. Ты — просто сосед. Мы — чужие люди. Я останусь здесь на две недели, а потом уйду. И мы больше никогда не увидимся. Так будет правильно. Не надо пытаться узнать меня. Не надо лезть в мою голову. Не надо делать вид, что я тебе безразлична. Потому что это неправда. Я тебе никто.

Артём смотрел на меня. В его глазах не было обиды, не было гнева, не было разочарования. Только спокойствие. Бесконечное, почти страшное спокойствие.

— Хорошо, — сказал он. — Я понял.

Он достал из кармана маленький листок — вырванный из блокнота, сложенный вчетверо. Положил на стол.

— Мой номер. На всякий случай. Если что-то случится

— звони. Если нет — не звони.

Он пошёл к выходу. Я смотрела ему в спину. Широкие плечи, серая футболка, лёгкая хромота — я только сейчас заметила. Он прихрамывал на правую ногу. Когда-то давно. Старая травма. Ещё одна тайна.

— Артём, — окликнула я.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За всё.

— Не за что, — ответил он. И вышел.

Дверь закрылась. Я осталась одна в чужой квартире, с чужими книгами, чужими цветами, чужим прошлым, которое висело на стенах фотографиями.

Я взяла листок. Развернула. Номер. И больше ничего. Ни имени, ни подписи, ни «будь здорова». Просто номер. Как у таксиста. Как у сантехника. Как у человека, который сделал свою работу и ушёл.

Я сунула листок в карман — в карман маминой кофты, которую всё ещё носила. Не выбросила. Почему — не знаю. Наверное, на всякий случай. Как он и сказал.

День тянулся медленно.

Я разбирала вещи. Развешивала платья в шкаф — родители Артёма освободили для меня полку, я заметила, когда открыла дверцу. Пустые вешалки, чистое пространство. Они даже не знали, что я здесь, но они уже оставили мне место. Хорошие люди. Или сын попросил. Скорее всего, сын.

Я расставила косметику в ванной — на полку, где стояли только мужской шампунь и мыло. Артём здесь не жил, но иногда оставался? Или родители пользовались? Неважно. Я поставила свои баночки рядом с его — нет, не его, с чужими. И снова почувствовала, как что-то сжимается в груди. Мышиная возня. Не разберу.

Я нашла на кухне чайник — электрический, как у них? Нет, у родителей был старый, на плите. Всё новое, но с душой. Я поставила его греться. Заварила чай — чёрный, листовой, из жестяной банки с надписью «Цейлон». Настоящий. Не пакетированный. Налила в кружку с трещиной — ту самую, с цветочком. Обожгла губы. Засмеялась — первый раз за день. Нормальным смехом, почти настоящим.

Я села на подоконник — широкий, тёплый от вечернего солнца. Смотрела, как во дворе играют дети. Маленькая девочка в розовом комбинезоне училась кататься на велосипеде с двумя колёсами. Отец держал её за руль. Мать снимала на телефон. У них была семья. У них было счастье. У меня ничего.

Телефон завибрировал — сообщение от Ленки: «Как ты?»

Я ответила: «Жива».

Ленка: «Это главное. Держись».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.